

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

В. И. ЕРЕМИНА

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ В ТРУДАХ В. М. ЖИРМУНСКОГО

Виктор Максимович Жирмунский — яркий представитель старой петербургской филологической школы. В начале XX в. в Петербургском университете еще сильны были традиции школы А. Н. Веселовского в литературоведении и И. А. Бодуэна де Куртенэ в языкознании.¹ Творческий путь В. М. Жирмунского отражает влияние и развитие идей, связанных с обеими этими школами. Диапазон его исследовательских интересов необычайно широк: история и теория русской и западноевропейских литератур, поэтика фольклора и литературы, народное эпосоведение, теория стиха, сравнительное и общее языкознание, диалектология. Сочинения В. М. Жирмунского связаны между собой не только именем их автора, но и внутренним единством, на первый взгляд, быть может, и не всегда отчетливо различимым. «Философия здесь сливается с историей литературного процесса, теория и история фольклора помогает изучению разнообразнейших форм личного творчества, языкознание способствует выработке литературоведческой методологии, поэтика и стиховедение

¹ Ссылки В. М. Жирмунского на труды И. А. Бодуэна де Куртенэ как первооткрывателя целого ряда внутренних законов развития языка достаточно широко встречаются в его трудах. См., например: *Жирмунский В. М. Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии // Труды Института языкознания АН СССР. 1954. Т. 4. С. 89; Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жизнь искусства. М., 1919. № 313—317. С. 37 и др.*

ние позволяют глубже проникнуть в произведение словесного искусства как явление идеологии, воплощенной в художественной форме».²

В. М. Жирмунский родился 2 августа 1891 г. в Петербурге в семье врача. Среднее образование получил в Тенишевском училище, где особое внимание было обращено на изучение иностранных языков. Хорошее знание западноевропейских языков открыло ему доступ на романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, куда он поступил в 1908 г. Непосредственным учителем Жирмунского был один из ближайших учеников А. Н. Веселовского — Ф. А. Браун. В 1912 г. после успешного окончания университета Жирмунский был оставлен при кафедре романо-германской филологии и почти сразу же его командировали в Германию для завершения образования и подготовки к профессорскому званию. В Берлине, Лейпциге и Мюнхене Жирмунский слушал лекции по литературоведению, философии и языкознанию. Особое значение имели для него лекции крупнейшего представителя младограмматического направления в языкознании Г. Пауля и фонетиста Э. Сиверса, влияние которых проявилось позже — во второй половине 1920-х гг., когда интересы Жирмунского вышли за рамки литературоведения, и он обратился к вопросам языкознания.

Первая научная публикация В. М. Жирмунского — «Современная литература о немецком романтизме»³ появилась в апреле 1913 г., а по возвращении из-за границы в 1914 г. он опубликовал книгу «Немецкий романтизм и современная мистика».⁴ Проблемам немецкого романтизма посвящена и вторая книга Жирмунского «Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков»,⁵ где по-прежнему история немецкого романтизма начала XX в. рассматривалась на фоне и в связи с истоками современной русской поэзии. «Романтизм перестает быть только литературным фактом, — писал Жирмунский в 1914 г., — он становится прежде всего новой формой чувствования, новым способом переживания жизни».⁶ В основе новой эстетики и ху-

² Левин Ю., Эткинд Е. Виктор Максимович Жирмунский — теоретик и историк литературы // Русская литература. 1966. № 4. С. 240.

³ Жирмунский В. М. Современная литература о немецком романтизме // Русская мысль. 1913. № 14.

⁴ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914.

⁵ Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. М., 1919.

⁶ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. С. 13.

дожественных форм оказываются теперь историко-философские проблемы и особый «психологический фон» эпохи.

В предисловии к изданным им позднее статьям 1916—1926 гг. Жирмунский отметил: «...мы учились пониманию теоретических проблем поэтики и особенностей искусства времен отдаленных на живом материале современной поэзии, непосредственно доступном нашему художественному восприятию».⁷

В начале XX в. интересы Жирмунского были полностью связаны с философско-историческими и литературоведческими проблемами. Современные литературные течения начала века оказались в центре внимания начинающего исследователя. «Зимы 1915/16 и 1916/17 годов, — писал он, — были для меня, как и для многих других представителей молодой истории литературы того времени, периодом методологического кризиса и напряженных методологических исканий. В эти годы умственное направление нашего поколения характеризует прежде всего недовольство беспринципным эклектизмом и общим упадком старой университетской „истории литературы“, повышенный интерес к вопросам принципиальным и методологическим, особое внимание к новым проблемам литературной формы, т. е. к изучению поэзии как искусства <...> Изучение поэтики исторической и теоретической было уже раньше выдвинуто в русской науке трудами А. Н. Веселовского и А. А. Потебни. Но живые импульсы для методологических исканий в области вопросов литературной формы фактически были восприняты нами от теоретиков символизма, заставивших по-новому заинтересоваться и академической традицией изучения поэтики <...> Для меня вопросы словесного стиля встали с особой отчетливостью под влиянием кризиса символизма и резкого перелома поэтических вкусов, связанного с выступлением нового поколения поэтов „акмеистов“».⁸

В 1916 г. из печати выходит статья В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм»⁹ о поэзии «акмеизма» — новом направлении в русской поэзии. В статье анализируется творчество молодых поэтов «Гиперборея» — А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Кузьмина и др., у которых «вместо сложной, хаотической уединенной личности — разнообразие внешнего мира, вместо эмоционального, музыкального лиризма — четкость и графичность в сочетании слов, а главное, взамен мистического прозрения в тайну жизни — простой и точный

⁷ Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы: Статьи 1916—1926 гг. Л., 1928. С. 9—10.

⁸ Там же. С. 7—10.

⁹ Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. Кн. 12.

психологический эмпиризм».¹⁰ Высоко оценивая новую поэзию, Жирмунский тем не менее отметил, что «формальное совершенство» и «художественное равновесие» в стихах поэтов «Гиперборейя» «достигается рядом существенных уступок и добровольным ограничением задач искусства. Не победой формы над хаосом, а сознательным изгнанием хаоса».¹¹

Успешно развивается в эти годы и профессиональная карьера Жирмунского. В 1917 г. он был избран профессором и заведующим кафедрой романо-германской филологии в Саратове. Он читает курс лекций по сравнительной фольклористике, где сопоставлялись славянский, германский и романский эпосы. Первая печатная работа Жирмунского по фольклору «Английская народная баллада» появилась чуть ранее — в 1916 г. в журнале «Северные записки».¹² Здесь *впервые* был сформулирован Жирмунским принцип историко-типологического изучения фольклора, который впоследствии станет вершиной его филологической деятельности.

С 1919 по 1950 г. Жирмунский возглавляет кафедру западноевропейских литератур в Ленинградском государственном университете. С 1920 по 1930 г. он заведует кафедрой западноевропейских языков в Педагогическом институте им. А. И. Герцена и одновременно стоит во главе Отдела словесных искусств в Институте истории искусств.

В 1919 г. В. М. Жирмунский публикует свою программную статью «Задачи поэтики»,¹³ которая представляет собой как бы методологическую преамбулу к его трилогии по теории стиха и ряду других работ по поэтике.

Статья открывается определением понятия «поэтика»: «Поэтика есть наука, изучающая поэзию как искусство. Если принять это словоупотребление, освященное давностью, можно смело утверждать, что за последние годы наука о литературе развивается под знаком поэтики. Не эволюция философского мировоззрения или „чувства жизни“ по памятникам литературы, не историческое развитие и изменение общественной психологии в ее взаимодействии с индивидуальной психологией поэта-творца составляет в настоящее время предмет наиболее оживленного научного интереса, а изучение поэтического искусства, поэтика историческая и теоретическая. Тем самым история поэзии становится в один ряд с другими науками об искусстве, совпадая с ними в своем методе и отличаясь лишь особыми свойствами

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 54—55.

¹² Жирмунский В. М. Английская народная баллада // Северные записки. Пг., 1916. Октябрь. С. 91—94.

¹³ Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жизнь искусства. 1919. № 313—317.

подлежащего ее ведению материала. Рядом с историей изобразительных искусств, историей музыки и театра она занимает место как наука о поэтическом искусстве».¹⁴

В настоящей статье Жирмунский *впервые* делает разграничение понятия «поэтика» на поэтику «*историческую*», разработанную академиком Веселовским, «который оставил незаконченным грандиозный замысел истории литературы, построенной по поэтическим жанрам»,¹⁵ и поэтику «*теоретическую*», основы которой были заложены А. А. Потебней в его книге «Из записок по теории словесности» (Харьков, 1905). Метод Потебни, сближающий поэтику и лингвистику, представлялся Жирмунскому весьма плодотворным.

Вопросы методологии истории литературы, поднятые в трудах В. Брюсова, А. Белого (Символизм. М., 1910), в «Лекциях по методике истории русской литературы» В. Н. Перетца (Пг., 1914), в трудах «Общества изучения поэтического языка» (ОПОЯЗ), становятся предметом особого интереса, научного изучения и ожесточенных споров. В. М. Жирмунский в статье «Задачи поэтики» четко определяет свою позицию. «Рассматривая памятники литературы как произведение художественное, — пишет он, — мы будем каждый элемент художественного целого расценивать с точки зрения его поэтической действительности: в пределах поэтики как науки о поэтическом искусстве не может быть двойственности между выражаемым и выражением, между фактами эстетическими и внеэстетическими. Это не значит, конечно, что к литературному памятнику нельзя подойти с другой точки зрения, кроме эстетической: вопрос об искусстве как о социальном факте или как о продукте душевной деятельности художника, изучение произведения искусства как явления религиозного, морального, познавательного остаются как возможности; задача методологии — указать пути осуществления и необходимые пределы применения подобных приемов изучения. Но бессознательное смешение переживаний поэта и идей его современников как содержания литературного произведения с приемами искусства как формой не должно иметь места в научной работе по вопросам поэтики».¹⁶

Задачей искусства, по мнению Жирмунского, должно быть изучение «художественных приемов данного произведения, поэта или целой эпохи в историческом плане или в порядке сравнительном и систематическом».¹⁷ Отвергая теорию наглядности

¹⁴ Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 15.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 17—18.

¹⁷ Там же. С. 18.

(отождествление образности и поэтичности), а также кантовскую эстетическую систему «целесообразности без цели» и прочее, Жирмунский формулирует задачу: при построении поэтики «исходить из материала вполне бесспорного и, независимо от вопроса о сущности художественного переживания, изучать структуру эстетического объекта, в данном случае — произведения художественного слова».¹⁸ И далее: «Объяснить художественное значение этих поэтических приемов, их взаимную связь и характерную эстетическую функцию составляет задачу теоретической поэтики. В свою очередь поэтика историческая должна установить их происхождение в поэтическом стиле эпохи, их отношение к предшествующим и последующим моментам в развитии поэзии».¹⁹

Занимаясь общей, или «теоретической», поэтикой исследователь стоит перед необходимостью систематического изучения поэтических приемов, их сравнительного описания и классификации. Теоретическая поэтика должна опираться на конкретный исторический материал, то есть ту систему научных понятий, в которых нуждается историк поэтического искусства при решении встающих перед ним индивидуальных проблем. «Поскольку материалом поэзии является слово, в основу систематического построения поэтики должна быть положена классификация фактов языка, которую даст нам лингвистика. Каждый из этих фактов, подчиненный художественному заданию, становится тем самым поэтическим приемом».²⁰ Таким образом, каждой главе науки о языке должна соответствовать особая глава теоретической поэтики. В. М. Жирмунский не предлагает исчерпывающей научной классификации, поскольку в самой лингвистике до сих пор продолжают споры о возможных группировках лингвистических дисциплин: «при настоящем состоянии науки достаточно перечислить важнейшие проблемы, сюда относящиеся, примыкающие к привычным категориям проблем языковых».²¹

Прежде всего звуки языка — это не пустые места в художественном произведении, не беспорядочные шумы, сопровождающие течение поэтических образов, а существенные средства художественной выразительности. «Звуки поэтического языка упорядочены и организованы; особый выбор звуков и особое их расположение отличают поэтическую речь от прозаической. Фонетике как отделу лингвистики соответствует поэтическая фонетика, или эвфония, как отдел поэтики».²²

¹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ Там же. С. 28.

²¹ Там же.

²² Там же.

Отдел лингвистики, изучающий значения слов (семантика или семасиология) должен, по мнению Жирмунского, составить особый отдел поэтики, где рассматриваются проблемы значения слова в поэтической речи, так же как и синтаксис в лингвистике должен соответствовать поэтическому синтаксису, изучающему приемы художественного использования синтаксических форм. И последнее: «язык данной эпохи представляет для говорящего как бы ряд исторических напластований, имеющих для поэта разную ценность и обладающих разной художественной действенностью. Слова устарелые (архаизмы), новообразования (неологизмы), иностранные заимствования (варваризмы), влияние местных говоров (провинциализмы), различие между языком простонародным и литературным, разговорным и условно-возвышенным существенны для поэта и могут быть использованы как художественный прием. В большинстве случаев нам приходится при этом иметь дело с вопросами исторической лексикологии; разумеется, однако, в распоряжении поэта могут быть и фонетические дублеты, и различные конкурирующие формы словообразования и словоизменения, и синтаксические обороты, характерные для того или иного слоя языка».²³

Из всего сказанного В. М. Жирмунский делает вывод о том, что все перечисленные отделы поэтики составляют вместе учение о поэтическом языке в узком смысле слова. Традиционное словоупотребление обозначает это учение названием стилистики. Таким образом, «стилистика есть как бы поэтическая лингвистика: она рассматривает факты общей лингвистики в специальном художественном применении. Но содержание поэтики стилистикой не исчерпывается».²⁴ Жирмунский наметил еще два самостоятельных отдела поэтики: тематика и композиция. Эта двойственность уже может быть отмечена в области стилистики, то есть в учении о поэтическом языке. «Основа тематического элемента поэзии — в словесных темах, т. е. в поэтической семантике (символике). Композиционное задание художника, звуковое и смысловое, находит выражение в метрическом и синтаксическом построении словесного материала. Но существуют такие элементы поэтического произведения, которые, осуществляясь в материале слова, не могут быть исчерпаны словесно-стилистическим анализом».²⁵ С вопросом о композиции непосредственно связано и учение о поэтических жанрах, каждый из которых (элегия, ода, новелла, роман, лирическая или героическая эпопея и пр.) имеет свое особое композиционное задание. Так, внешним критерием более или менее глубокой обработки художественного

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Там же. С. 30—31.

²⁵ Там же. С. 31.

материала и тем самым «сравнительной зависимости или свободы художественного замысла от его осуществления в словесной стихии служит обычно присутствие метрической композиции (стиха), т. е. упорядочение словесного материала со стороны его звуковой формы: лирическое стихотворение в своем словесном составе, в выборе и соединении слов, — как со смысловой, так и со звуковой стороны, — насквозь подчинено заданию эстетическому».²⁶

Изучение отдельных поэтических приемов не исчерпывает задач поэтики. Необходимо не только систематизировать поэтические приемы («морфологии»), но также «указать их важнейшие стилевые функции в *типологически* наиболее существенных группах поэтических произведений».²⁷ Единство (системность) стиля данного поэта Жирмунский определяет как «взаимную обусловленность всех приемов, входящих в стилевую систему. В художественном произведении мы имеем не простое сосуществование обособленных и самоценных приемов: один прием требует другого приема, ему соответствующего. Все они определяются единством художественного задания данного произведения и в этом задании получают свое место и свое оправдание».²⁸

Жирмунский строит понятие стиля, исходя из художественного единства поэтического произведения. Наличие эстетического единства для целой эпохи или литературной школы объясняет, по его мнению, факт одновременного и независимого друг от друга появления поэтических произведений, «сходных по своим приемам и в одинаковом направлении преодолевающих господствующую литературную традицию».²⁹ Более того, духовная культура той или иной значительной исторической эпохи, ее философские идеи, ее нравственные и правовые убеждения и навыки и т. д. «образуют в данную эпоху *такое же единство*, как и ее художественный стиль. Изменение жизни в этих параллельных рядах различных культурных ценностей происходит одновременно».³⁰

Таким образом, в начале XX в., когда «формальная школа» в литературоведении, объединенная в ОПОЯЗе была на пике своей славы, методологическая позиция В. М. Жирмунского, как мы видим, была совершенно особой. «Мои занятия формальными проблемами, — писал он, — начались уже в 1916 г., независимо от выступлений „Опояза“, и, в значительной степени, исходили из других предпосылок. К доктрине этого кружка <...> я не

²⁶ Там же. С. 33.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 34.

²⁹ Там же. С. 37.

³⁰ Там же.

мог, по всему складу своего художественно-исторического мировоззрения, не относиться критически <...> Для меня поэтическое произведение являлось единством взаимно обусловленных элементов <...> Основания для системы эстетических фактов я искал в единстве „сверхэстетическом“ и поэтому склонен был связывать эволюцию поэтических приемов и стилей с общим развитием культуры в особенности с изменением „чувства жизни“, „психологического фона“ эпохи, которым обусловлено также изменение художественных вкусов...»³¹

Высоко оценивая интерес своих современников к художественной форме,³² Жирмунский утверждал, что идеи ОПОЯЗа оказали живое и глубокое воздействие на изучение теории и истории литературы.³³ Жирмунский стоял на позициях куда более близких Оскару Вальцелю. Он приветствовал «философский метод» последнего, благодаря которому вопросы мировоззрения ставились в тесной связи с вопросами искусства.³⁴

Творческие расхождения Жирмунского с теоретиками ОПОЯЗа со всей очевидностью проявились в его полемической статье «К вопросу о „формальном методе“». ³⁵ Мировоззрение опоязовцев определялось Жирмунским следующим образом: «Все в искусстве есть *только* художественный прием, в искусстве на самом деле нет ничего, кроме совокупности приемов. В наивном виде это учение приписывает самому поэту исключительно художественные задания <...> Мнение, что в искусстве нет ничего, кроме искусства, как наследие отшумевшей эпохи эстетизма, нуждается в серьезном пересмотре». ³⁶ Подходы к изучению художественного произведения должны быть разными. Произведения словесного искусства могут рассматриваться и как «социальный фактор», и как «продукт душевной деятельности», и как «эстетическая система» и пр. Задача методологии и заключается, по Жирмунскому, в том, чтобы разграничить законные области этих возможных подходов к литературному произведению. ³⁷ Выбирая один из таких подходов, не следует отрицать законность других.

³¹ Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе»: Предисловие к русскому переводу книги О. Вальцеля «Проблема формы в поэзии» // Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пг., 1923. С. 9.

³² Под руководством Жирмунского в 1927—1929 гг. выходили сборники Государственного института искусств «Поэтика».

³³ Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. С. 15.

³⁴ См., например, предисловие В. М. Жирмунского к книге: Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии (1890—1920). Пт., 1922. С. 5.

³⁵ Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе». С. 10.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 9—10.

Теоретические расхождения с «формальной школой» не мешали Жирмунскому издать в рамках этого объединения трилогию: «Композиция лирических стихотворений» (1921), «Рифма, ее история и теория» (1923) и «Введение в метрику. Теория стиха» (1925), которая, как предполагал автор, должна была стать «вводной частью о стихе и охватить область метрики в широком смысле слова».³⁸ П. Н. Берков писал по этому поводу следующее: «Опираясь на огромный фактический материал русской поэзии и фольклора (преимущественно былин) и поэзии немецкой, английской, французской, итальянской, отчасти и испанской, В. М. Жирмунский классифицировал, привел в систему и обобщил данные по определенным разделам теоретической поэтики, явившись в решении ряда проблем формального изучения поэзии пролагателем новых путей. Однако самый характер поставленных вопросов и примененные для их решения приемы с неизбежностью влекли за собой отказ исследователя от многих его положений, перечисленных выше. Так, например, вопросы содержания поэтических произведений, хотя бы в форме «тематик», о которых В. М. Жирмунский бегло говорит в самом начале „Композиции лирических стихотворений“, совершенно выпали из поля его зрения и в этой и в дальнейших его работах. В „трилогии“ по теории стиха В. М. Жирмунский при всех частных своих несогласиях с рядом участников „Опояза“ был в наибольшей степени близок к „формальной школе“. Особенно чувствуется это в „Композиции лирических стихотворений“, которая имеет чисто эмпирический, описательный характер. Во второй и третьей частях своей „трилогии“ В. М. Жирмунский стремился преодолеть эту описательность и старался „повсюду, по мере возможности... представить... материал в сравнительно-историческом освещении“.³⁹ В этих работах, по словам Ю. Левина и Е. Эткинда, в упомянутой выше статье, — виден широкий исследовательский кругозор автора, который постоянно учитывает «целостность, системность произведений словесного искусства». Книга о композиции лирических стихотворений связана с книгой о рифме: рифма рассматривается прежде всего как «прием метрической композиции», а в «узком смысле слова метрические элементы образуют как бы композиционный остов поэтической речи». «Таким образом, — продолжают авторы статьи, — синтаксический строй стихотворения, его метрический остов, характер

³⁸ Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923. С. 4. Во «Введении в метрику» (Л., 1925. С. 5) Жирмунский писал: «По-прежнему, в основу своего построения я кладу явления истории русского стиха, но, по-возможности, окружаю их... сравнительно-историческим материалом».

³⁹ Берков П. Н. В. М. Жирмунский как литературовед // Русская литература. 1961. № 3. С. 235.

его рифм — все это связывается в единую проблему *композиции*, к которой относятся также вопросы инструментовки и мелодики». ⁴⁰ Иными словами, все частные факты литературной формы представляют собой систему, где все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Потому-то свои стиховедческие работы Жирмунский строил на сопоставлении разных национальных систем, стремясь учесть их взаимозависимость. Путь к построению теоретической поэтики, считал Жирмунский, лежит «через сравнительно-историческое изучение явлений поэтического стиля». ⁴¹

К проблемам сравнительно-исторического изучения литературных явлений В. М. Жирмунский шел постепенно. Так, оценивая новую поэтическую школу начала XX века, Жирмунский стремился обнаружить в теории акмеизма определенные закономерности, которые привели к ее возникновению. Он дает символизму и поэзии акмеизма «типологическую характеристику, видя в первом продолжение музыкальной лирики романтиков, а во второй параллель к „четкому и сознательному искусству“». ⁴²

Это типологическое различие легло в основу его книги «Валерий Брюсов и наследие Пушкина», где дана «характеристика классического и романтического стилей: первому свойственны „вещественно-логический принцип словосочетания.., стремление слова стать точным понятием, метонимические обобщения и перифраза, обилие сентенций в эпиграмматически законченной форме, заостренных в форме логической антитезы, распределенной в ритмически параллельных стихах, связанных между собою парной рифмой“; а второму — „преобладание стихии эмоциональной и напевной, желание воздействовать на слушателя скорее звуком, чем смыслом слов, вызвать «настроения», т. е. смутные, точнее неопределимые, лирические переживания в эмоционально взволнованной душе воспринимающего“». ⁴³

Метод историко-типологических аналогий, который способствовал раскрытию исторически обусловленной закономерности процессов литературного развития, впервые был сформирован Жирмунским в 1920 г. в статье «О поэзии классической и романтической», опубликованной в газете «Жизнь искусства» (1920), а затем в «Вопросах теории литературы» (С. 175—181). ⁴⁴

⁴⁰ Левин Ю., Эткинд Е. Виктор Максимович Жирмунский. С. 244.

⁴¹ Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. С. 5.

⁴² Левин Ю., Эткинд Е. Виктор Максимович Жирмунский. С. 241.

⁴³ Жирмунский В. М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина: Опыт сравнительно-стилистического исследования. Пб., 1922. С. 86—87. Ориентация на современную поэзию проявилась в книге: Поэзия Александра Блока. Пг., 1922.

⁴⁴ Цитируется по книге: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. С. 134—137.

В данной статье автор противопоставляет два типа поэтического творчества: искусство классическое и романтическое. «Как всякое историческое явление, — пишет Жирмунский, — романтизм и классицизм такого-то века представляют из себя живой индивидуальный факт, объединенный единством жизненного импульса; основы его лежат в области сверхэстетической и проявляются одновременно в различных сферах духовной культуры».⁴⁵ Однако Жирмунского интересовало не историческое явление в его индивидуальном богатстве и своеобразии, а «некоторый вневременной тип поэтического творчества». Для автора статьи французский классицизм XVII и XVIII вв. и романтизм начала XIX в. являются «лишь частными, исторически обусловленными примерами этого *типологического* противоположения».⁴⁶

В работе Жирмунского начала 1920-х гг. «Жизнь и творчество Байрона»⁴⁷ формирование мировоззрения поэта показано на фоне европейского романтизма Новалиса и Уланда, Ламартина и Мицкевича, Мюссе, Шелли, Гоголя, Вл. Соловьева, и др. Поиски своего метода отмечают и следующую книгу Жирмунского, создававшуюся в течение 1919—1923 гг. — «Байрон и Пушкин».⁴⁸ Противопоставляя свои принципы исследования художественного произведения как *целостной системы* формалистическому и отвлеченно-социологическому методам, Жирмунский писал: «Формальный анализ художественного произведения, ограничивающий себя исключительно вопросами композиции и словесного стиля, всегда будет казаться формалистическим и внешним по отношению к смысловой значительности, т. е. содержанию. Художественно-исторический метод в том случае докажет свою применимость не только к чистой лирике, но также к тематическим жанрам (как поэма, роман, драма), если он сумеет подойти к самому содержанию с художественной точки зрения, рассматривая его как поэтическую тему».⁴⁹ Здесь же сформировано Жирмунским и свое понимание предмета литературоведения и методов его изучения: «Всякое художественное произведение имеет для меня как бы особого рода идеальное бытие, вполне самостоятельное и независимое от субъективных процессов в сознании творящего и воспринимающего. Именно это особое бытие художественного произведения и является объективным предметом научного анализа, в котором мы сами так же авторитетны,

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Жирмунский В. М.* Жизнь и творчество Байрона // Джордон Гордон Байрон. Драммы. Пг.; М., 1922.

⁴⁸ *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. Л., 1924.

⁴⁹ Там же. С. 7.

как современники поэта, если будем стараться изучать предмет, стоящий перед нами, — произведение искусства, а не свои собственные душевные переживания по поводу этого предмета». ⁵⁰

Связь Пушкина с западноевропейской литературой позднее была еще раз рассмотрена им в статье «Пушкин и западные литературы», ⁵¹ где проблема взаимовлияний была сформулирована следующим образом: «...соприкосновения Пушкина с литературами Запада не имели характера внешних и механических влияний со стороны. Они были подсказаны Пушкину русским литературным развитием, в котором он участвовал, и русской общественной действительностью, которую он изображал». ⁵²

Методология сравнительно-исторического изучения литературных явлений разрабатывалась Жирмунским в традиции Веселовского. При определении художественного воздействия иноземного поэта, которое проявляется в жанре, тематике, сюжете-композиционном построении, стиле и манере повествования», Пушкин «творчески переосмыслил импульсы, полученные от поэзии Байрона, создавая традицию русской романтической поэмы, он «преодолел воздействие английского поэта на путях к реализму». ⁵³

В книге «Байрон и Пушкин» Жирмунский сконцентрировал свою позицию: «Я считал бы методологически более правильным занимать позицию т. н. „наивного реализма“, чем вдаваться в крайности того *наивного психологизма и субъективизма*, который сохранился до сих пор в науке о литературе, как своеобразный пережиток философского безвременья нашего недавнего прошлого». ⁵⁴

Принципы художественно-исторического метода получили дальнейшее развитие в капитальном труде Жирмунского «Гете в русской литературе». ⁵⁵ В этой книге он, опираясь на труды И.-Г. Гердера и А. Н. Веселовского, дает теоретическую программу изучения литературных влияний: «...всякий факт литературного взаимодействия есть факт *идеологический* и, следовательно, *социально значимый*. Специфические литературные взаимодействия в области формирования и развития жанров и стилей, в сюжете, образности и языке, наконец, и частичные *заимствования* в деталях, свидетельствующие об усвоении определенных тенденций литературного мастерства, должны быть также раскрыты

⁵⁰ Там же. С. 8.

⁵¹ Жирмунский В. М. Пушкин и западные литературы // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3.

⁵² Там же. С. 103.

⁵³ Левин Ю., Эткин Д. Е. Виктор Максимович Жирмунский. С. 244.

⁵⁴ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. С. 8.

⁵⁵ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1937.

в своей идеологической значимости и направленности как выражение мировоззрения и — тем самым — в своих социально-исторических предпосылках».⁵⁶

Своеобразным итогом раздумий Жирмунского на тему особого восприятия иностранного поэта в чужой национальной среде может, очевидно, рассматриваться его статья 1936 г. — «Жизнь и творчество Гете».⁵⁷

Таким образом, от статьи к статье, от книги к книге В. М. Жирмунский поднимался по ступеням научного обобщения, круги которого все более расширялись, захватывая разнообразные явления общественно-идеологической и специфически-художественной жизни. «С этим связано своеобразие лучших исследований В. М. Жирмунского: в его трудах вступает в органическое соединение определение общих закономерностей с наблюдениями, казалось бы, сугубо частного свойства; на страницах одной и той же статьи или книги мы найдем не только общую характеристику мировоззрения автора или направления в целом, но и тщательнейший анализ — „на ядерном уровне“ — эпитетов, метафор, сравнений, ритмической системы стихов, свойственных данному автору синтаксических конструкций или стилистически выразительных морфологических форм, соотношения гласных и согласных звуков».⁵⁸

В дальнейшем разработка теории сравнительно-исторического изучения литератур была продолжена В. М. Жирмунским в трудах «Байрон и современность»,⁵⁹ «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения»,⁶⁰ «История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение»,⁶¹ «Легенда о докторе Фаусте».⁶²

⁵⁶ Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.-Г. Избранные сочинения / Под ред. В. М. Жирмунского, Н. А. Сигал. М.; Л., 1959. Статья о Гердере была написана Жирмунским в конце 1930-х гг., практически одновременно с изданием им двухтомного собрания сочинений А. Н. Веселовского (1939, 1940).

⁵⁷ Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. С. 13.

⁵⁸ Гухман М. М., Мелетинский Е. М., Эткинд Е. Г., Ярцева В. Н. Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971) // *Philologica* : Исследования по языку и литературе. Л., 1973. С. 5.

⁵⁹ Жирмунский В. М. Байрон и современность. Л., 1941.

⁶⁰ Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // Труды юбилейной научной сессии [ЛГУ]. Секция филологических наук. Л., 1946.

⁶¹ Жирмунский В. М. История западноевропейской литературы. Раннее средневековье и Возрождение. Л., 1947.

⁶² Легенда о докторе Фаусте / Изд. подгот. В. М. Жирмунским. М.; Л., 1958. (Серия «Литературные памятники»).

Одновременно с проблемами сравнительного литературоведения В. М. Жирмунский занимался сравнительно-историческим языкознанием и фольклором.

Знакомство с трудами Т. Фрингса по методике лингвистической географии и с новейшими работами В. Вреде, одного из создателей немецкой школы диалектологии,⁶³ способствовало развитию интереса Жирмунского в этой области знаний. С середины 1920-х гг. языкознание оказывается для Жирмунского второй, очень важной темой его исследований. И в результате В. М. Жирмунский становится основателем изучения проблем лингвистической географии в нашей стране. Также как А. А. Потебня и А. А. Шахматов, В. М. Жирмунский стремился изучать внутриязыковые механизмы на основе изучения живых диалектов в их взаимосвязи с фольклором и этнографией.

В период с 1926 по 1931 г. В. М. Жирмунский обследует немецкие поселения Украины, Крыма и Закавказья. Собранный Жирмунским громадный песенный материал, который составил более 5000 текстов и нотных записей,⁶⁴ позволил ему впоследствии прийти к новым интересным общетеоретическим выводам по историко-лингвистическим проблемам. Значительное число текстов песен и баллад, записанных Жирмунским, впоследствии вошло в знаменитое собрание немецких песен Джона Мейера,⁶⁵ создавшего во Фрайбурге центральный Архив песни. На собранном фольклорном материале немецких переселенцев Жирмунский опубликовал целый ряд работ.⁶⁶

⁶³ Необходимо отметить, что общетеоретические выводы этих выдающихся лингвистов не были опровергнуты в дальнейшем В. М. Жирмунским. Однако конкретизирующие положения его теории имели принципиальное значение. В частности, им были показаны основы воздействия социально-исторических факторов на общий строй языка.

⁶⁴ Рукописный отдел Института русской литературы РАН, кол. акад. В. М. Жирмунского № 104 (Немцы-колонисты. 1926—1930 г.) (49 папок включают 9597 документов и 10325 листов. Из них 4000 текстов немецких песен, 1000 мелодий); Фонограммархив ИРЛИ: 321 восковая пластинка. См.: *Светозарова Н. Д.* Инопоэтические коллекции Института русской литературы // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 493—500.

⁶⁵ Переписка Жирмунского с Дж. Мейером прервалась перед самой Великой Отечественной войной. См.: *Чистов К. В.* В. М. Жирмунский и Дж. Мейер : Эпизод из истории фольклористики // Звезда. 2002. № 6. С. 212—213.

⁶⁶ Важнейшие из них: *Schirmunski V.* 1) Die deutschen Kolonien in der Ukraine : Geschichte. Mundarten. Volkslied. Volkskunde. Charkow, 1928; 2) Volkslieder aus der bayrischen Kolonie Jamburg am Dniepr. Wien, 1931; *Жирмунский В. М.* Методика социальной географии // Язык и литература. 1932. Вып. 8. С. 83—119.

В конце XVIII в. в Россию переселились немецкие крестьяне. Их диалектная речь, вкрапленная в виде небольших островков в огромные массивы русской, а в ряде мест также украинской, татарской, грузинской и т. п. речи, стала развиваться по особым законам так называемых «островных диалектов». С первых шагов исследования этих говоров стало очевидным, что «их изучение представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны — как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязычного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой, на протяжении сравнительно короткого промежутка времени в 100—150 лет, в обстановке удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий».⁶⁷

В. М. Жирмунский поставил перед собой сложнейшую задачу: путем сравнения развития этих говоров в условиях их изоляции от родной среды и данных, известных по описанию диалектов из лингвистической литературы и Немецкому диалектологическому атласу, реконструировать историю этих говоров и соответственно выявить основные закономерности их исторического развития. «В условиях „островного“ развития имели место процессы смешения говоров из различных районов Германии, нивелирование речи поселенцев в границах новых районов, образование смешанных говоров, непосредственно не совпадающих ни с одним из первоначальных диалектов, явившихся исходным пунктом для процессов смешения. В. М. Жирмунский пришел к убеждению, что изучение этих процессов может быть плодотворным только на основе теоретических принципов лингвистической географии, или, как он выражался, „диалектографии“, немецкой и французской. Один из пионеров лингвогеографического изучения диалектов в нашей стране, В. М. Жирмунский посвящает теперь ряд исследований выяснению методологической важности новых диалектологических методов».⁶⁸ В результате Жирмунскому удалось опровергнуть устойчивое в немецкой диалектографии положение о *замкнутости* диалектных систем.

⁶⁷ Академик В. А. Жирмунский как языковед // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 4—5 (статья без автора). См. также: Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии // Язык и литература. Л., 1929. Вып. 3.

⁶⁸ Академик В. М. Жирмунский как языковед. С. 5. См. также работы В. М. Жирмунского: 1) Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением // Этнография. 1927. Кн. 3; 2) О некоторых проблемах лингвистической географии // Вопросы языкознания. 1954. № 4; 3) Предисловие к сборнику: Немецкая диалектография. М., 1955.

Им были обнаружены переходные зоны (или «зоны вибраций») между диалектами. В условиях языкового смешения и взаимодействия диалектов В. М. Жирмунский выявил реальные процессы языковых механизмов. «По отношению к отдаленным историческим эпохам, — писал он, — ввиду отсутствия непосредственных свидетельств, возможны лишь гипотетические реконструкции. Даже для говоров восточной Германии, возникших в результате колонизации земель, первоначально населенных славянами, процессы смешения до сих пор остаются невыясненными <...> Напротив, в современных колониях процесс смешения доступен непосредственному наблюдению в благоприятных условиях лингвистического опыта».⁶⁹

Изучение «островной» диалектологии дало возможность Жирмунскому сделать существенные выводы общетеоретического значения. При сравнении фонетического строя диалекта с фонетическим строем литературного языка, Жирмунский обнаружил разные (первичные и вторичные) признаки отклонения диалектной речи от литературного языка. «Первичные» признаки находятся в противоречии с литературной нормой языка, «вторичные» — представляют собой отклонения не столь явно выраженные, которые не осознаются самими носителями диалектной речи. «Только по признакам второго рода можно определить диалектную принадлежность того или иного субстрата, а потому если речь идет о реконструкции старых говоров, то опираться можно только на вторичные признаки».⁷⁰

В 1930-е гг. общие проблемы исторической диалектологии становятся приоритетными среди научных разысканий В. М. Жирмунского. Итоговым трудом по диалектологии явился его капитальный труд «Немецкая диалектология».⁷¹ Книга, опубликованная в Германии в 1962 г., ценна не только тем, что в ней определены внутренние механизмы развития диалектов, но и тем, что в ней показаны общие *типологические* черты в развитии немецких диалектов.⁷²

Книга «История немецкого языка»,⁷³ задуманная как учебное пособие, осветившее те изменения, которые происходят в соотношении литературного языка и живых диалектов, подвела опре-

⁶⁹ Жирмунский В. М. Проблемы колониальной диалектологии. С. 182.

⁷⁰ См. работы В. М. Жирмунского: 1) Проблемы колониальной диалектологии; 2) Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten // Germ.-rom. Monatsschrift. 1930. Jg. XVIII. Hf. 3—4, 5—6; 3) Die deutschen Kolonien in der Ukraine. М., 1928.

⁷¹ Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.

⁷² Deutsche Mundartkunde : Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten. Berlin, 1962.

⁷³ Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1948.

деленный итог лингвистическим исследованиям Жирмунского, прояснила все его основные методологические принципы.

В 1940-е гг. В. М. Жирмунский занимается вопросами сравнительной грамматики в связи с вопросами генезиса языка⁷⁴ и другими важнейшими теоретическими вопросами общего языкознания.

Работы Жирмунского по сравнительному языкознанию ценны прежде всего тем, что вскрывая взаимосвязь языковых явлений, раскрывая внутренние законы развития языка, он использовал исторический метод.⁷⁵ Рассматривая структуру конкретных языков, Жирмунский пришел к выводу, что «те явления, которые при описании грамматического строя языка в синхронии могут выглядеть как исключения, с точки зрения исторической раскрываются как пережитки предшествующих стадий языкового развития или как зарождение новых закономерностей, еще не получивших полного развития и общего значения».⁷⁶ Динамический подход к изучению структуры языка следует считать важным новым фактором для сравнительно-исторического изучения языков. Историческая диалектология, которой Жирмунский занимался, начиная с 1920-х гг. и далее в течение всей жизни, представляла собой основу сравнительно-исторического исследования, а методика лингвистической географии требовала прежде всего «постановки вопроса о конкретных связях языка с породившей его социальной действительностью, с его реальными историческими носителями».⁷⁷ При этом задачей сравнительно-исторического исследования родственных языков он считал не реконструкцию «архетипов» или «системы архетипов», то есть гипотетической модели «праязыка», что является задачей хоть и важной, но все же вспомогательной. Важнейшая цель подобного рода исследований, по мнению автора, заключается «в раскрытии внутренних закономерностей (тенденций) развития, проявляющихся в исторически обусловленных сходствах и различиях между этими

⁷⁴ См., например: *Жирмунский В. М.* 1) Происхождение категорий прилагательных в индоевропейских языках в сравнительно-грамматическом освещении // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* 1946. № 3; 2) *Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. М., 1962—1966. Т. 1—4.* В этом коллективном труде В. М. Жирмунскому принадлежат разделы: «Племенные диалекты древних германцев» (т. 1) и «Категория имени прилагательного в древних германских языках» (т. 4).

⁷⁵ *Жирмунский В. М.* О синхронии и диахронии в языкознании // *Вопросы языкознания.* 1958. № 5. С. 43.

⁷⁶ *Гухман М. М., Мелетинский Е. М.* и др. Виктор Максимович Жирмунский. С. 23. См.: *Жирмунский В. М.* Развитие строя немецкого языка // *Известия АН СССР. Отделение общественных наук.* 1935. № 4. С. 345.

⁷⁷ *Жирмунский В. М.* Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964. С. 7.

языками».⁷⁸ Именно поэтому сравнительно-историческая грамматика столь тесно связана со сравнительно-типологическими исследованиями.

Сравнительно-типологический подход объединял труды В. М. Жирмунского по литературоведению, языкознанию и фольклористике. Вершиной теоретической разработки этого метода стали его труды по фольклору. Следуя за Веселовским, Жирмунский считал, что сходство далеких между собой фольклорных явлений, не связанных генетической общностью, могло быть объяснено близкими условиями общественного развития в момент их возникновения.

В плане постановки вопросов фольклорной типологии В. М. Жирмунский в 1935 г. опубликовал статью о странствующих сюжетах немецких и французских песен-баллад.⁷⁹ Их сюжетное сходство объяснялось им историческими условиями: тесным общением этих народов в прибрежных областях. В эти годы Жирмунскому была близка и стадийная концепция Н. Я. Марра, объясняющая возможность фольклорных аналогий не только общностью происхождения или заимствования, но и «сходством языка и мышления на одинаковых стадиях социально-исторического развития».⁸⁰

Проблема изучения народного эпического творчества стала *центром* исследовательских интересов Жирмунского достаточно поздно — лишь в 40-е г. XX в. Эпос понимался Жирмунским «как живое прошлое народа в масштабах героической идеализации. Отсюда его научная, историческая ценность и в то же время его большое общественное, культурно-воспитательное значение для нашего времени».⁸¹ Эпос должен изучаться прежде всего на той национально-исторической почве, где он сложился. Его идейно-художественное содержание «объясняется кон-

⁷⁸ Жирмунский В. М. Общие тенденции фонетического развития германских языков // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 3.

⁷⁹ Жирмунский В. М. К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Известия АН СССР. Отдел общественных наук. 1935. № 9.

⁸⁰ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение и проблемы литературных влияний // Известия АН СССР. 1936. № 3. С. 383.

См. также: Жирмунский В. М. Сравнительная грамматика и новое учение о языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. Согласно формулировке Жирмунского «сравнительная грамматика генетически должна опираться на сравнительную грамматику *типологическую*» (Там же. С. 59). См. также: Шимарев В. Ф. Н. Я. Марр и А. Н. Веселовский // Язык и мышление. М.; Л., 1937. Т. 8.

⁸¹ Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 24.

кретными условиями многовекового исторического развития народа, его создателя и носителя, особенностями общественных отношений и исторически сложившегося национального характера, народного быта, традиций и верований».⁸² В статье 1936 г. «Сравнительное литературоведение и проблема литературных влияний» были намечены важнейшие моменты изучения героического эпоса разных народов мира: героический эпос, возникающий на высшей ступени варварства и в эпоху зарождения феодализма, — «германский дружинный эпос, русские былины, сербские исторические песни, тюркский и монгольский эпос и т. д. — обнаруживает при сравнении черты существенного сходства. Героизация образа дружинного вождя и его соратников в духе идеалов воинской аристократии, круг эпических сюжетов, стилизующих боевые подвиги дружинников, традиционные особенности эпического стиля с его типическими формулами, повторениями, идеализирующими эпитетами, моменты жанровой эволюции (циклизация сюжетов, распространение краткой героической песни в эпическую поэму) — все эти признаки героического эпоса, как и многие другие, возникают в одинаковых условиях общественного развития».⁸³

В годы Великой Отечественной войны В. М. Жирмунский оказался в эвакуации в Ташкенте, где он начал изучать живые эпические традиции народов Средней Азии. Он активно сотрудничает с местными фольклористами, изучает узбекский язык, и постепенно тюркология становится для него еще одной специальностью. В 1947 г. выходит из печати новая книга Жирмунского, написанная совместно с узбекским фольклористом Х. Т. Зарифовым, «Узбекский народный героический эпос».⁸⁴ В этом обширном труде нашел свое отражение весь репертуар узбекского эпоса: богатырский эпос «Алпамыш», воинская повесть «Юсуф и Ахмед», дастаны исторического и романтического содержания, цикл «Гороглы» и др. Установленная последовательность, по словам А. В. Десницкой, не была произвольной, она отражала открытую В. М. Жирмунским историческую перспективу развития эпических форм. В этой перспективе изучение эпического творчества узбекских сказителей представлялось ему особенно поучительным, так как оно сохранило в живой народной

⁸² Там же. С. 36.

⁸³ Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение и проблемы литературной формы. С. 380.

⁸⁴ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947. Историко-типологическая теория эпоса нашла свое отражение в «Избранных трудах» В. М. Жирмунского: «Тюркский героический эпос» (М., 1974) и «Сравнительное литературоведение. Восток и Запад» (М., 1979).

традиции⁸⁵ ряд последовательных стадий эпического развития: «от патриархального богатырского эпоса степных кочевников, своими глубочайшими корнями соприкасающегося с эпосом гомеровским („Алпамыш“), — до народного романа, теснейшим образом связанного с поэтической культурой развитого феодального общества недавнего прошлого».⁸⁶

Сюжеты узбекского эпоса сопоставлялись Жирмунским с эпическим творчеством других тюркоязычных народов. Эти сопоставления, проведенные на широком общественно-историческом и культурном фоне, дали возможность Жирмунскому проследить эволюцию: от героического эпоса к романтическому. Так, например, рассматривая сравнительно поздний цикл «Гороглы», в котором объединены и эпические и романтические темы, Жирмунский обратился «к историческим истокам сюжета, первоначально возникшего в азербайджанской среде. В этой связи отмечается, что азербайджанский „Кёр-оглы“ многими своими чертами напоминает аналогичное по содержанию английское народное предание, сохраненное в цикле народных эпических баллад XV—XVI вв. о благородном разбойнике Робине Гуде <...> Более поздний этап развития этого сказания может быть отмечен в узбекских поэмах, «представляющих Гороглы как эпического богатыря, а также как мудрого государя, идеального правителя и грозного защитника своей страны, что отразило процесс дальнейшей эпической идеализации народного героя».⁸⁷ На примере героя киргизского эпоса Манаса Жирмунский показал ряд исторических трансформаций: от сказочного богатыря до грозного завоевателя, а сопоставительный анализ вариантов сказания об Алпамыше показал пути изменения самого сказания от богатырской сказки до героической эпопеи.

Исследование международного сюжета о возвращении мужа в день свадьбы жены показало поразительную близость вариантов в узбекском эпосе «Алпамыш» и в «Одиссее» Гомера. По сравнению со средневековым, феодальным вариантом сказания, как оно сложилось на Западе, «мы находим в „Алпамыше“, как и в „Одиссее“, живое и непосредственное отражение гораздо более ранней ступени развития человеческого общества, еще близ-

⁸⁵ Десницкая А. В. Об историко-типологической теории эпоса // Вестник АН СССР. 1981. № 9. С. 116.

⁸⁶ Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. С. 5.

⁸⁷ Десницкая А. В. Об историко-типологической теории эпоса. С. 116. В труд Жирмунского «Тюркский героический эпос» вошли также его исследования: «Манас» (1948, 1961), «Сказание об Алпамыше и богатырская сказка» (1960), «Огузский героический эпос и „Книга Коркута“» (1962), «Сказание об Идиге» (1973) и др.

кого патриархально-родовому строю на высшем этапе его развития, когда сложилась наиболее древняя форма этого сказания». ⁸⁸ Помимо историко-типологического сходства данных вариантов, В. М. Жирмунский делает и весьма рискованное предложение о наличии древних исторических связей. Близость «Одиссеи» и «Алпамыша» (особенно кунгратской редакции) «настолько значительна, что вряд ли мы можем говорить о случайном совпадении мотивов: „Алпамыш“ и „Одиссея“ восходят, по-видимому, к общему „восточному“ варианту древнего сказочного сюжета. Свидетельство „Одиссеи“ позволяет отнести существование этой восточной версии сказания о возвращении мужа по крайней мере уже к VII в. до н. э.». ⁸⁹

И несмотря на то что пути распространения «Алпамыша» в древнюю историческую эпоху Передней и Средней Азии все еще остаются *неясными*, Жирмунский полагает между тем, что «в свете других аналогичных фактов сходство „Одиссеи“ и „Алпамыша“ позволяет поставить вопрос о древнейших связях между античной и среднеазиатской культурой».

В связи с этим для Жирмунского неизбежно возникает вопрос о *мере отражения* в эпосе достаточно правдивой исторической действительности, «несмотря на эпическую идеализацию». ⁹⁰

Чем архаичнее эпос, считал Жирмунский, тем он менее «документален»: сказания о ногайских богатырях или старофранцузская «Песнь о Роланде» с этой точки зрения гораздо более историчны, чем «Манас». ⁹¹ Именно казахский богатырский эпос, отмечает Жирмунский, «может служить весьма показательным примером отношения эпоса к истории. Большинство казахских богатырских песен по своим источникам восходит к историческим преданиям времен Ногайской орды, которая в XV—XVI веках объединила тюркские кочевые племена, входившие ранее в состав Ногайской Орды, на широком протяжении от Крыма и причерноморских степей до Сибири и Казахстана». ⁹²

Специально вопрос об отношении эпоса и истории был поставлен Жирмунским в работах «Эпические сказания о нагайских богатырях в свете исторических источников» и «Сказание об Идиге». «Мера и характер идиализации исторической действительности в народном сознании, превращения исторического

⁸⁸ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С. 316. См. также его работу: Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Известия АН СССР. 1957. Т. 16. Вып. 2. С. 97—113.

⁸⁹ Там же. С. 333.

⁹⁰ Там же. С. 334.

⁹¹ Там же. С. 114.

⁹² Там же.

предания в художественный фольклор могут быть весьма различны и определяются конкретными национальными условиями сложения эпоса».⁹³

В 1950—1960-е гг., продолжая работать над проблемами тюркского эпоса (в основном над вопросами художественной формы),⁹⁴ Жирмунский изучает и эпические традиции европейских народов. Он отмечает в связи с этим важный методологический принцип: «Эпос живой, еще поющий и даже развивающийся в устной народной традиции... может служить ключом к пониманию эпоса античного и западноевропейского, дошедшего до нас только в классических письменных памятниках, в большей или меньшей степени литературно обработанных».⁹⁵ Этим объясняется особое внимание исследователя к богатейшему эпосу народов Средней Азии; изучение его, по словам В. М. Жирмунского, «стало в настоящее время важнейшим ключом для исследования общей исторической проблемы становления и развития героического эпоса».⁹⁶

В работе о «Калевале» вновь встал вопрос о богатырской сказке как типологически наиболее ранней форме народного эпоса.⁹⁷ В это же время Жирмунский обращается к немецкому эпосу. С большой вступительной статьей В. М. Жирмунского выходит перевод книги А. Хойслера «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах» (1960).⁹⁸

Однако поворотным моментом в изучении героического эпоса явился его доклад «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса», прочитанный им на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г.⁹⁹

⁹³ Жирмунский В. М. Народный героический эпос. М.; Л., 1962. С. 221.

⁹⁴ Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С. 393.

См., например, работы В. М. Жирмунского: 1) Ритмико-синтаксический параллелизм как основа тюркского народного эпического стиха // Вопросы языкознания. 1964. № 4; 2) О некоторых проблемах тюркского народного стиха // Вопросы языкознания. 1968. № 2; 3) Орхонские надписи — стихи или проза? // Народы Азии и Африки. 1968. № 2.

⁹⁵ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 3.

⁹⁶ Жирмунский В. М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера. С. 98.

⁹⁷ Жирмунский В. М. «Калевала» и финская буржуазная фольклористика // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950. С. 80—98.

⁹⁸ Жирмунский В. М. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера // Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л., 1979. С. 281—313.

⁹⁹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. В немецком переводе: Schirmunski V. Vergleichende Epenforschung. Berlin, 1961.

Разрабатывая историко-типологический подход в рассмотрении эпического творчества, В. М. Жирмунский в своих рассуждениях исходил из известного положения А. Н. Веселовского о том, что *живой*, еще поющийся эпос, является ключом к пониманию как народного эпоса, так и эпоса, дошедшего до нас в письменных памятниках (поэмы Гомера, «Нибелунги» и пр.).¹⁰⁰

В 1920—1950-е гг. русский героический эпос еще активно бытовал. Это подтверждали организованные Российским институтом истории искусств экспедиции 1926—1929 гг. в Зонежье, экспедиции на Пинегу, Мезень и Печору, экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга 1926—1928 гг., Вологодская экспедиция 1937 г. и др. Сербский эпос в его живом бытовании активно записывался М. Пэрри и А. Лордом.¹⁰¹

Сравнительное изучение эпосов разных народов в 30—40-е гг. XIX в. было предпринято в работах ряда зарубежных ученых. В. М. Жирмунский ссылается на труды Х. М. Чадвика, С. М. Боуры, Т. Фрингса,¹⁰² в которых были использованы материалы русского, южнославянского, германского и восточных эпосов. Подробное рассмотрение видимых международных параллелей привело Жирмунского к уточнению известного положения А. Н. Веселовского о международном характере народного эпоса.¹⁰³ Международный характер, подчеркивает В. М. Жирмунский, имеют прежде всего сюжеты сказок, о чем свидетельствуют Указатели сказочных сюжетов, хотя и это положение нуждается в дополнительном историческом объяснении. Международный характер в типологическом, но не генетическом плане, имеют и многие эпические темы, мотивы и сюжеты. Однако вопрос об их заимствовании из письменной и устной литературы в области героического эпоса должен ставиться гораздо осторожнее, чем в других областях народного творче-

¹⁰⁰ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1940. С. 622.

¹⁰¹ Serbocroatian Heroic Songs / Collected by M. Parry; Ed. by A. Lord. Belgrad; Cambridge, 1953—1954. Vol. 1—2. Публикации из собрания Пэрри были продолжены в серии «Publication of Milman Parry Collection»: 1974 (vol. 4), 1979 (vol. 14), 1980 (vol. 6) и т. д. См. также: Lord A. B. The Singer of Tales. Cambridge, 1960.

¹⁰² Chadwick H. M., Chadwick N. K. The Growth of Literature. Cambridge, 1932—1940. Vol. 1—3 (о русском и сербском эпосе см. т. 2); Frings Th., Braun M. Brautwerbung. Leipzig, 1947. Т. 1; Frings Th. 1) Europäische Heldendichtung // «Neophilologus». 1949. Т. 24. S. 1—29; 2) Die Entstehung der deutschen Spielmannsepen. Leipzig, 1951 (Sächsische Akademie der Wissenschaften); Bowra C. M. Heroic Poetry. London, 1952.

¹⁰³ «Народный эпос всякого исторического народа по необходимости — международный» (Веселовский А. Н. Южнорусские былины // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности АН. СПб., 1881. Т. 22. № 2. С. 401).

ства.¹⁰⁴ Героический эпос, в отличие от сказки, не мигрирует, а потому для его весьма редкого заимствования нужны были в каждом отдельно взятом случае *особые* социально-исторические условия. Наличие международных типологических взаимосвязей, обусловленных близостью их общественного и культурного развития, не снимает, по мнению В. М. Жирмунского, вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий между ними: «...напротив именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий. Однако в старых работах по сравнительному изучению эпоса масштабы таких взаимодействий необычайно преувеличивались: всякие типологические параллели, реальные или мнимые, рассматривались как заимствования. В результате подобных исследований складывалось убеждение, что эпос данного народа не столько отражает героические воспоминания его национального прошлого, сколько пересказывает своими словами литературные сюжеты, занесенные из-за рубежа».¹⁰⁵

В своих обобщениях А. Н. Веселовский опирался в значительной степени на данные из истории эпосов славянских, французских, итальянских и германских народов. Им же были заложены основы французско-итальянской теории. Изучая источники русской повести о Бове Королевиче, А. Н. Веселовский, как указывает В. М. Жирмунский, «восстановил как посредствующее звено между ним и итальянским рыцарским романом „*Vovo d'Antona*“ (восходящим в конечном счете к французской эпопее „*Vueve d'Hanstone*“) утраченный сербский перевод этого итальянского романа».¹⁰⁶ В работе «Хорватские песни о Радославе Павловиче и итальянские поэты о гневном Радо» и в более позднем труде «Из истории романа и повести»¹⁰⁷ А. Н. Веселовский показал ряд весьма вероятных случаев проникновения французско-итальянских романов каролингского цикла в Дубровник, где часть рукописей находилась во владении местного женского монастыря. Ученый видел перспективность изучения славянско-итальянских литературных отношений, поскольку, по его мнению, славянские музыканты и скоморохи проникали в Италию в XIV и XV вв., так же как и жонглеры XIII—XIV вв. «могли заходить на рубежи итальянско-славянского мира и заносить туда рассказы

¹⁰⁴ См. об этом: Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 113 и др.

¹⁰⁵ Там же. С. 90.

¹⁰⁶ Там же. С. 91—92.

¹⁰⁷ *Веселовский А. Н.* 1) Хорватские песни о Радославе Павловиче и итальянские поэмы о гневном Радо // Журнал Мин. нар. просв. 1879. № 1. С. 88—112; 2) Из истории романа и повести. Вып. 2 // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности АН. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С. 246.

о Карловингах и рыцарях Круглого стола, издавна популярные в Италии».¹⁰⁸

В. М. Жирмунский утверждал, что аккуратные и ненавязчивые славяно-романские сближения, сделанные А. Н. Веселовским, в дальнейшем были во многом вульгаризированы его последователями. Так, например, М. Е. Халанский, показав многочисленные соответствия южнославянского эпоса со старофранцузским, германским и античным, сделал смелые предположения об их генетических связях.¹⁰⁹ Доказать это практически невозможно, так как указанные схождения в лучшем случае могут быть рассмотрены только на уровне типологии. Несостоятельной, по мнению Жирмунского, оказалась и попытка Н. Банашевича объяснить развитие песен из цикла Марка Кралевича заимствованиями из франко-итальянской рыцарской литературы.¹¹⁰ Эпос, по убеждению В. М. Жирмунского, создается в живой традиции устного народного песнетворчества, а не в кабинете за письменным столом. «Он вдохновляется памятью народа о своем прошлом, а не чужеземными литературными образцами. Поэтому, несмотря на наличие в нем книжных и заносных элементов, он никогда не определяется и не исчерпывается этими элементами».¹¹¹ В. М. Жирмунский не отрицал возможности единичных случаев влияния французско-итальянского эпоса на южнославянский, поскольку этому, по-видимому, содействовало культурное общение на территории Дубровника и Далматинского побережья. Однако подобные влияния, скорее всего, должны быть рассмотрены в области сюжетов новеллистического, а не героического характера. В любом случае эти воздействия могли иметь лишь периферийный характер, не затрагивающий существа процесса образования южнославянского эпоса.

Столь же широко, как французско-итальянские влияния на славянский героический эпос, М. Е. Халанский рассматривал

¹⁰⁸ *Веселовский А. Н.* Хорватские песни о Радославе Павловиче... С. 107—108.

¹⁰⁹ *Халанский М. Е.* 1) Южнославянские сказания о Кралевиче Марке, в связи с произведениями русского былевого эпоса: Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа. Варшава, 1893—1894; 2) К вопросу об отражениях сказания о Бове в сербском эпосе // Русский филологический вестник. Варшава, 1889. Т. 21. С. 260—282; 3) К вопросу о заимствованиях в южнославянском эпосе // Русский филологический вестник. Варшава, 1884. Т. 11. С. 99—113, 233—243.

¹¹⁰ *Банашевич Н.* 1) Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талијанске витешке књижевности. Скопље. 1935. С. 79—83; 2) *Le cycle de Kosovo et les chansons de geste* // *Revue des études slaves*. 1926. Vol. 6. S. 224—242.

¹¹¹ *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов... С. 101.

и его зависимость от германских источников. Так, например, он проводит прямую гипотетическую параллель между Дунаем-сватом в былинне «Женитьба князя Владимира» и сватом Аттилы в «Песне о Нибелунгах» и в «Саге о Тидреке»,¹¹² а русского Илью Муромца отождествляет с героем германского эпоса — Детлейфом (Дитлейбом) и т. п. В целом работы М. Е. Халанского, Н. Банашевича и др. по вопросам германистики, как отмечает В. М. Жирмунский, «пестрят филологическими недоразумениями и ошибками, которые вообще характерны для компаративистов, когда они не являются специалистами по привлекаемым для сравнения иностранным литературам».¹¹³ Широко использованная для сопоставления в работах разных ученых «Песня о Нибелунгах», по всей вероятности, не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к славянскому эпосу, так же как русские былины об исследовании Ильи не являлись источником для немецкого эпоса XII—XIII вв.

Сравнительное изучение русского героического эпоса и южнославянских юнацких песен показало безусловное тематическое сходство между ними. На этом сходстве основан целый ряд древних эпических мотивов и сюжетов, таких как героическое сватовство, змеборство, образ девы-поленицы и др. Однако, подчеркивает В. М. Жирмунский, «историческая связь генетического характера между сюжетами русского и южнославянского эпоса, там, где она существует, не носит характера *непосредственного взаимодействия*, заимствования с той или с другой стороны: она возникает в большинстве случаев <...> в более поздний период, в результате распространения международных сюжетов песенного, новеллистического, сказочного («балладного») характера».¹¹⁴

У разных народов мира основы героического эпоса относятся к разным историческим периодам. Корни эпоса германских народов В. М. Жирмунский возводит ко времени племенного существования этих древних народов, то есть к эпохе «„великого переселения народов“, предшествующей сложению политически и культурно обособленных германских народностей феодальной эпохи. Готы пели об Эрманарике и Теодорике-Дитрихе, бургунды — о гибели Гунтера и его царства, франки — о Зигфриде. Племена эти были связаны между собой языком и этнической культурой, сталкивались и смешивались и в процессе формиро-

¹¹² См. также: Соколов Б. М. Эпические сказания о женитьбе князя Владимира: Германско-русские отношения в области эпоса // Учен. зап. Саратовского ун-та. 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 69—122.

¹¹³ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 102.

¹¹⁴ Там же. С. 141.

вания народностей передавали друг другу свои песни».¹¹⁵ В более позднее время «на заре феодальной эпохи (VI—IX вв.) близость языка и этнической культуры сделали возможным проникновение севернонемецких эпических песен из цикла Нибелунгов к скандинавским народам, в Норвегию и оттуда в Исландию, и отражение их в эпических сказаниях исландской „Эдды“ (песни IX—XII вв., рукопись XIII в.) о Гьукунгах и Нифлунгах, т. е. о франкском по своему происхождению Зигфриде (Сигурде), гуннском короле Аттиле (Атли) и бургундском Гунтере (Гуннаре) и его братьях (исторических Гибихунгах)».¹¹⁶ Все эти рассуждения приводят В. М. Жирмунского к мысли, что древнегерманский эпос был не столько «международным» в обычном понимании этого слова, сколько межплеменным, и это общение не имело характера заимствования мотивов и сюжетов. Шел переход *готовых песен*, которые трансформировались, творчески перерабатывались и в процессе этого песенного обмена «становились основой для новых, самобытных национальных версий данного сказания».¹¹⁷ В качестве наглядного примера ученый приводит разнообразные исландские версии песен о Нибелунгах.

«Подобный обмен готовыми песнями, — указывает В. М. Жирмунский, был возможен только там, где родственные языки были взаимно понятны, как диалекты одного языка, и песня захожего певца не требовала перевода. Существование двуязычных певцов в узбекско-таджикских районах южного Узбекистана и Таджикистана дало начало появлению самостоятельной таджикской версии популярных в Узбекистане эпических сказаний о народном герое Гёроглы (Кёроглы)».¹¹⁸

Южнославянский эпос точно так же может быть лишь условно назван «международным». Он международный только в том смысле, что в его образовании были задействованы родственные по происхождению, языку и культуре народы Болгарии и Македонии, Сербии и Хорватии, Боснии и Герцеговины. Сейчас уже невозможно определить конкретный вклад каждого из этих народов в разработку образов эпических героев и четко обозначить их национальное происхождение. Наиболее важным общественно-историческим фактором, «объединившим южнославянские народы со второй половины XIV в., т. е. с того времени, когда начинает слагаться южнославянский эпос, была турецкая неволя и многовековая совместная борьба за освобождение от

¹¹⁵ Там же. С. 114.

¹¹⁶ Там же. С. 115.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. См. подробнее: *Жирмунский В. М.* Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Эпос народов СССР. М., 1956. Вып. 1. С. 42—46.

этой неволи — фактор, определивший участие большинства южнославянских народов в создании народного героического эпоса, в котором тема эта является центральной». ¹¹⁹

Приблизительно в XII—XIII вв., то есть достаточно поздно, началось взаимодействие между народами, которые говорили на романских языках. Именно в это время впервые было замечено проникновение старофранцузского эпоса в Италию и Испанию. Это взаимовлияние тоже было связано с близостью и понятностью языков и наречий и тесным культурным общением между народами этих стран. Французский эпос, распространяемый национальными жонглерами, вскоре, однако, был вытеснен собственно испанским эпосом («Песнь о Сиде» и др.). ¹²⁰ Как подчеркивает В. М. Жирмунский, в Италии францужско-итальянский эпос на темы *chansons de geste*, «исполнявшийся в городах северной Италии сперва французскими бродячими жонглерами, потом (с XIII в.) итальянскими народными певцами (так называемыми *santastorii*) на смешанном францужско-итальянском литературном диалекте, в дальнейшем, в особенности в больших прозаических компиляциях типа „I Reali di Francia“, все более превращается из героического эпоса в авантюрно-фантастический рыцарский роман, тем самым теряя свой первоначальный историко-героический и национальный характер, столь существенный для старого французского эпоса типа „Песни о Роланде“ или „Песни о Вилламе“. Именно это обстоятельство и способствовало интернациональному хождению его сюжетов в их новых редакциях, соответствовавших космополитизму рыцарской культуры средневековья». ¹²¹ Однако интернациональные черты средневекового рыцарского романа, как справедливо утверждал В. М. Жирмунский, — явление качественно совершенно иное, чем «международный» характер народного героического эпоса, о котором говорил А. Н. Веселовский. Таким образом, взаимосвязи в области эпоса в каждом конкретном случае в значительной степени индивидуальны, и они должны получать самостоятельное объяснение, несмотря на то что близость языков и культуры по-прежнему должны как обязательное условие присутствовать в любом из этих случаев. В статье «К вопросу о странствующих сюжетах» ¹²² В. М. Жирмунский утверждал, что

¹¹⁹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 117.

¹²⁰ Смирнов А. А. Испанский народный эпос и поэма о Сиде // Культура Испании. М., 1940. С. 130—133.

¹²¹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 116

¹²² Жирмунский В. М. К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Известия Отд-ния обществ. наук АН СССР. 1935. № 9. С. 775—811.

языковых и культурных связей для песенного взаимодействия между немцами и французами и для взаимопроникновения эпических песен, оказалось недостаточно. Немцы не знали эпических песен о Роланде, французы — песен о Зигфриде. И это тем более удивительно, что «Песнь о Роланде» «была переведена на немецкий язык „попом Конрадом“ из Регенсбурга еще в середине XII в.; перевод сохранился во многих рукописях и несколько раз перерабатывался в течение XII—XIV вв.; переводилась и поэма „Алисканс“ из цикла Гильома Оранжевого, притом таким выдающимся поэтом, как Вольфрам фон Эшенбах («Willehalm», 1210—1220). Однако это не сделало ни Роланда, ни Вивьена и Гильома героями немецкого народного эпоса».¹²³ Примеры эти очень показательны и далеко не единичны.

Исходя из всего сказанного, становится совершенно очевидно, что вопрос о происхождении героического эпоса нуждался в серьезном и решительном пересмотре. Сравнение, т. е. установление сходства или различия между историческими явлениями, неоднозначно, оно «может преследовать *разные*, хотя и взаимосвязанные задачи, смешение которых приводит к путанице, отражающейся и на методике сравнительно-исторического анализа».¹²⁴

В. М. Жирмунский пришел к убеждению о необходимости различать следующие аспекты сравнительно-исторического исследования:

- 1) *простое сопоставление* литературных явлений;
- 2) сравнение *историко-типологическое*, которое способно в результате близких условий общественного развития объяснить сходство генетически не связанных между собой явлений;
- 3) сравнение *историко-генетическое*, объясняющее явления родственные по происхождению, но разошедшиеся, трансформированные в процессе исторической эволюции;
- 4) и, наконец, сравнение, устанавливающее в результате *культурных взаимодействий* (заимствований) генетические связи между явлениями.

Культурные взаимодействия являются «дополнительным фактором генетического порядка, важное значение которого невозможно оспаривать, поскольку в реальных исторических условиях не существовало общественного и культурного развития».¹²⁵

Новым в этой градации стало положение об *историко-типологическом* типе сопоставлений, главной предпосылкой, базовой

¹²³ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 118.

¹²⁴ Там же. С. 6.

¹²⁵ Там же. С. 7.

основой которого оказывается «единство и закономерность процесса социально-исторического развития человечества, которым, в свою очередь, обусловлено развитие литературы (или фольклора) как одной из идеологических надстроек».¹²⁶ Определив для себя, *почему* возможны сопоставления историко-типологического типа, необходимо было понять, в *каких пределах* эта теория приложима к конкретному материалу. В. М. Жирмунский критически подошел к пониманию А. Н. Веселовским понятий *мотива* и *сюжета*. Мотив как простейшая повествовательная единица, по А. Н. Веселовскому, мог самозарождаться, а потому для объяснения сходства мотивов нет необходимости искать их генетические корни. Гипотеза заимствования (т. е. определения источника возникновения сходства) не применима в своей основе, когда речь идет об одночленных повествовательных единицах. Другое дело, считал А. Н. Веселовский, — многочисленная комбинация подобных единиц, т. е. сюжет. Чем сложнее сюжет, тем больше шансов, по А. Н. Веселовскому, говорить о заимствовании. Это разделение, «так четко проведенное Веселовским, во многих случаях может служить критерием для исследователя».¹²⁷ Однако здесь необходимы существенные оговорки. В. М. Жирмунский не разделяет точку зрения Веселовского о сюжете как в определенной степени *случайной комбинации* мотивов. Он считает, что «развитие повествовательного сюжета и последовательность в нем мотивов имеют внутреннюю логику, отражающую закономерности и связи объективной действительности и в то же время обусловленную историческими особенностями человеческого сознания, отражающего эту действительность. Поэтому при определенной исходной ситуации дальнейшее движение сюжета в конкретных условиях человеческого общества до известной степени *предопределено* особенностями быта, общественной жизни, психологии и мировоззрения людей».¹²⁸ Более того, область историко-типологических аналогий *не ограничивается* только повествовательными сюжетами и мотивами, но она охватывает *все* стороны идеологии, образности, жанровой композиции и художественного стиля поэтических произведений. Это положение В. М. Жирмунского чрезвычайно важно, потому что дает возможность раздвинуть круг возможных историко-типологических сравнений за пределы единичных мотивов.¹²⁹

¹²⁶ Там же. С. 15.

¹²⁷ Там же. С. 23.

¹²⁸ Там же. С. 24.

¹²⁹ Конкретные примеры подобного типа в эпосах Востока и Запада были продемонстрированы В. М. Жирмунским в работе: *Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения* // Труды юбилейной научной сессии Ленинград-

Тщательное и многолетнее изучение среднеазиатского фольклора (эпоса, в частности)¹³⁰ привело В. М. Жирмунского к убеждению, что несмотря на то что восточные материалы позволяют подчас вскрыть древнюю тотемическую основу сюжета, окончательно утраченную на европейской почве, возводить эпический сюжет *напрямую*¹³¹ к тотемическим верованиям было бы ошибкой, так как нельзя не учитывать посредника между этнографическим субстратом как источником и его отражениями в мифе и эпосе. Таким посредствующим звеном, по В. М. Жирмунскому, являлась и «богатырская сказка», которая в своей архаической форме сохраняет целый ряд мотивов, известных как в восточном эпосе (тюркском, в частности), так и в эпосе индоевропейских народов. Примером тому может служить известный мотив брачных состязаний, мотив магической неуязвимости героя (Ахилл, Алпамыш, Зигфрид и др.).

Случаи частичной трансформации «богатырской сказки» в героический эпос В. М. Жирмунский видит в сказаниях о Зигфриде («Сага о Тидрике»), герое, выросшем в лесу, вскормленным ланью и совершившем впоследствии удивительные героические подвиги. Сказочный характер богатыря — его чудесное происхождение, магическая неуязвимость, бой со Змеем и пр. — все это, по мнению В. М. Жирмунского, характерные признаки богатырской сказки, «этой типологически наиболее древней ступени развития эпоса, сложившейся в условиях патриархально-родового общества; с развитием феодальных отношений богатырская сказка трансформируется в героический эпос, наполненный новым национально-историческим содержанием».¹³² Подобные трансформации не являются универсальным, строго обязательным путем происхождения эпоса.¹³³ Русские былины, эпос испанский и старофранцузский, южнославянские юнацкие песни «представляют в своей основе создания феодальной эпохи и непосредственно связаны в своей героике с историческими народными судьбами, с борьбой народа за свою независимость против чужеземных захватчиков. В них наличествуют лишь отдельные разрозненные

ского гос. ун-та. 1819—1944. Секция филологических наук. Л., 1946. С. 156—179.

¹³⁰ Жирмунский В. М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 24—65.

¹³¹ Ср. позицию представителей этнографического направления в фольклористике — Дж. Фрэзера, Э. Б. Тэйлора, А. Лэнга и др.

¹³² Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 68.

¹³³ Закономерность, всеобщность характера происхождения эпоса из сказки отстаивал В. Вундт: *Wundt W. Völkerpsychologie*. Leipzig, 1908. Bd. 3. S. 348—515.

элементы, темы и мотивы древней богатырской сказки, использованные как средство поэтической идеализации, в общих рамках средневекового мировоззрения. Наличие таких элементов еще не дает права на выделение в славянском эпосе древнейшего „мифологического“ слоя или „мифологических“ сюжетов, как это делается, например, в эпосе южнославянском по традиции, восходящей к Вуку Караджичу». ¹³⁴

Не следует искать и прямой зависимости эпоса, русских былин, в частности, от летописных рассказов, хотя бы потому, что былина значительно *древнее*, чем исторические события, отраженные в письменных источниках. В. М. Жирмунский также считал, что не весь состав русского героического эпоса восходит к «богатырской сказке», а потому он рассматривал типологические сходжения в области эпических сюжетов и более *нового* происхождения, возникшие в средние века и характерные для феодальной эпохи. Примером тому могут служить следующие широко известные мотивы: заточение богатыря в темницу и его вынужденное освобождение при приближении врага (рус. «Илья Муромец и Калин-царь»); спасение героя из плена дочерью чужеземного царя (южнослав. «Марко и дочь арапского короля»); убийство героя во время охоты (убийство Зигфрида в «Эдде») и др.

Общий вывод новаторского исследования В. М. Жирмунского по вопросам сравнительного изучения эпоса сводится к следующему: «Сравнительное изучение эпоса может быть плодотворным только в том случае, если четко различать сравнение историко-типологическое от сравнения генетического (заимствования). Типологическое сравнение, недостаточно представленное в предшествующей литературе, имеет чрезвычайно важное значение, так как в повторяющихся явлениях сюжетики и стиля эпоса позволяет раскрыть социально обусловленные закономерности их развития. Разграничение типологических сходжений и заимствований в эпосе имеет исторический характер. Эпос собственно героический, в соответствии со своим местным национальным и историческим содержанием, не легко поддается международным литературным влияниям со стороны. Черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер. В таких случаях сопоставления, рассматривающие всякое сходство или тень сходства как заимствование, легко опровергаются указанием на более широкий типологический характер данной черты». ¹³⁵

Сравнение таким образом становится методическим приемом историко-фольклорного и историко-литературного исследования.

¹³⁴ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 70—71.

¹³⁵ Там же. С. 144.

В 1930-е гг. В. М. Жирмунский вернулся к на время покинутому им литературоведению. Речь уже шла о книге «Гете в русской литературе», выпущенной отдельным изданием в 1937 г. В 1940-е гг. Жирмунский четко формулирует свой подход по отношению к историко-литературному процессу. В этой области филологии он опирается на выводы Веселовского. Концепция литературного процесса, выработанная Веселовским, позволяла Жирмунскому сопоставлять как равнозначные в социальном отношении, явления одностадиальные: поэзию древних греков, древних германцев и североамериканских индейцев, «Илиаду» и «Калевалу», похоронный обряд англосаксонского «Беовульфа» и абиссинское причитание о «Балае».¹³⁶

Статьи Жирмунского этого времени «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения» (1946) и «К вопросу о литературных отношениях Востока и Запада» (1947) важны своими исходными методологическими принципами. В 1950-е гг. Жирмунский вновь обращается к немецкой литературе, таковы его труды о Гердере (1959), о докторе Фаусте (1958) и др.

Для литературного процесса Жирмунский выделяет историко-типологические схождения как предпосылки для взаимодействия между литературами. Что касается «частных различий», то они «вызываются местными особенностями исторического процесса и создаваемым этими особенностями национально-историческим своеобразием. Их сравнительное изучение... позволяет установить общие закономерности литературного развития в его общественной обусловленности и в то же время национальную специфику литератур, являющихся предметом сравнения».¹³⁷ В статье 1960 г. «Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур» Жирмунский подвел своеобразный итог своим более ранним работам по данной теме и сформулировал наиболее общие методологические принципы. «Беспринципное эмпирическое сопоставление фактов художественной литературы, больших и малых, вырванных из исторического контекста и из системы мировоззрения и стиля писателя, на основе наличия между ними чисто внешнего сходства, часто случайного, иногда и вовсе мнимого, объяснение, всякого такого сходства механиче-

¹³⁶ См.: *Жирмунский В. М.* 1) А. Н. Веселовский и сравнительное литературоведение // *Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение.* Л., 1979. С. 84—136; 2) Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Там же. С. 66—83 и др.

¹³⁷ *Жирмунский В. М.* Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.* 1960. Т. 19. Вып. 3. С. 178—179. Статья написана на основе доклада, прочитанного в Институте мировой литературы АН СССР 11 января 1960 г.

ски понимаемым влиянием, „толчком“ со стороны, — вызвали вполне обоснованное недоверие к так называемому „сравнительному методу“ в целом.

Справедливо указывали, что подобный метод не учитывает предпосылок изучаемого литературного явления в местном историческом или специально литературном развитии, его связей с общественной действительностью, которую оно отражает, его исторической, национальной и индивидуальной специфики, а также глубокой переработки всякого заимствованного образца на основе этой специфики.

Между тем *сравнение*, т. е. установление сходств и различий между историческими явлениями и историческое их объяснение, представляет <...> обязательный элемент всякого исторического исследования. Сравнение не уничтожает специфики изучаемого явления (индивидуальной, национальной, исторической); напротив, только с помощью сравнения, т. е. установления сходств и различий, можно точно определить, в чем заключается эта специфика». ¹³⁸ Когда мы говорим о смене больших литературных направлений и стилей, то подразумеваем изменение как общественной идеологии, так и средств ее художественного воплощения. «На этой основе возможны более частные схождения идей, образов, сюжетов, литературных жанров, особенностей поэтического стиля, всей системы средств художественного выражения». ¹³⁹ Вопрос о близких путях развития литературы разных народов пересекается с вопросом о международных литературных взаимовлияниях и взаимодействиях. Жирмунскому удалось наметить определенную *последовательность* литературных — и шире — идеологических влияний, «очагами которых по очереди становятся страны, представляющие на данном этапе передовые участки общественного развития. Такое международное влияние имели в XV—XVI вв. итальянское Возрождение, в XVII в. — французский классицизм, в XVIII в. — английское и французское буржуазное Просвещение, в XIX в. — французский и английский критический реализм». ¹⁴⁰ Однако, как предугадал Жирмунский, не следует прямолинейно и односторонне понимать международные литературные влияния только как влияния передовых литературно-общественных идей и течений: «в этом вопросе было бы *неправильно* представлять себе последовательность литературных направлений и стилей как „единый поток“, игнорируя социальные противоречия и борьбу, наличествующие на каждом этапе литературного процесса». ¹⁴¹

¹³⁸ Там же. С. 177.

¹³⁹ Там же. С. 180.

¹⁴⁰ Там же. С. 181.

¹⁴¹ Там же. С. 182.

Учитывая это обстоятельство, Жирмунский предложил говорить о «литературных связях и взаимодействиях» и не настаивать на взаимном характере всех подобного рода связей. Действительно, «если бы влияние классического писателя прошлого было ограничено пределами литературы, имеющей одинаковую с ним социальную базу, влияние Шекспира на романтиков было бы вообще невозможно. Еще меньше можно было бы говорить о жизни Шекспира в веках, т. е. о влиянии его на литературу разных направлений, времен и народов, включая и нашу... драматургию, о судьбе наследия Гете в русской литературе на разных этапах ее исторического развития <...> Между тем, — продолжает Жирмунский, — в богатом и сложном, а иногда исторически противоречивом наследии великих классиков прошлого, писатели, принадлежащие к разным литературным направлениям и различным общественным группам, в разные исторические эпохи могут находить те или иные аспекты и элементы, созвучные их современности и необходимые им при решении тех или иных актуальных творческих задач».¹⁴² И если мера творческого осмысления наследия прошлого не безгранична, потому что «ее пределы заложены в объективных, исторически обусловленных особенностях самого произведения или писателя», то границы эти тем не менее достаточно широки. Иначе писатель не мог бы жить в веках, «вызывая теоретический интерес и творческую симпатию к тем или иным аспектам своего поэтического наследия, самый отбор которых характерен для заимствующей литературы на каждом новом этапе ее развития».¹⁴³

Для правильной постановки вопроса международных взаимодействий Жирмунский предложил учитывать следующие методологические соображения.

Прежде всего необходимо понимать, что это влияние закономерно и социально обусловлено, и оно не может представлять собой «случайный, механический толчок извне» или эмпирический факт индивидуальной биографии писателя. Далее, нужно учитывать, что всякое литературное влияние связано с *социальной трансформацией* заимствуемого образа, под которой Жирмунский понимал творческую переработку этого образа и его «приспособление к тем общественным условиям, которые являются предпосылкой взаимодействия, к особенностям национальной жизни национального характера на данном этапе общественного развития, к национальной литературной традиции, а также к идейному и художественному своеобразию творческой индивидуальности заимствующего писателя».¹⁴⁴ Для всякого

¹⁴² Там же. С. 182.

¹⁴³ Там же. С. 183.

¹⁴⁴ Там же. С. 184.

сравнительно-исторического изучения литературных взаимодействий вопрос «о чертах *различия* и их исторической обусловленности не менее важен, чем вопрос о *сходстве*. Проблема так называемого „байронизма“ молодого Пушкина <...> имеет смысл только как проблема становления и созревания творческого гения Пушкина, его пути к художественному реализму».¹⁴⁵ И наконец, подводит итог Жирмунский, «огромное методическое значение имеет сравнение творчества писателя с литературной традицией, национальной и международной, с влиявшими на него предшественниками и современниками, в целях установления исторически обусловленного сходства и различия между ними. Именно с помощью подобных сопоставлений познается творческая самостоятельность писателя и его место в общем развитии литературы, национальной и мировой».¹⁴⁶

Одна из последних работ В. М. Жирмунского «Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения»¹⁴⁷ вышла из печати уже после смерти ее автора. Жирмунский расширил здесь предмет сравнительного литературоведения за пределы науки о литературе только нового времени (от Ренессанса до современности). В трудах Жана-Мари Каре, Поля Ван Тигема, Вернера Фридриха и других западноевропейских исследователей¹⁴⁸ средневековая литература не входила в хронологические границы сравнительного литературоведения, что, по мнению Жирмунского, сужает историческую перспективу научных исследований и становится особенно ощутимо по мере приближения к исследованию вопросов всеобщей литературы. Исключение фольклора из области сравнительного литературоведения объяснялось тем, что искусство, как понимал это, например, Ван Тигем, «не имеет отношения к этой анонимной традиции, которая, по своему характеру, остается безличной, в то время как сравнительное литературоведение изучает воздействие и влияние личностей (*l'action et l'influence des personnalités*)».¹⁴⁹ Между тем, считает Жирмунский, если подойти к сравнительному литературоведению с точки зрения «более далеких традиций», то окажется, что именно медиевисты и были основателями этого

¹⁴⁵ Там же. С. 184.

¹⁴⁶ Там же. С. 185.

¹⁴⁷ *Жирмунский В. М.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1971. Т. 30. Вып. 3.

¹⁴⁸ *Guyard M.-F.* La littérature comparée. Paris, 1958; *Jeune S.* Littérature générale et littérature comparée. Paris, 1968; *Tieghem van, P.* Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance à nos jours. Paris, 1946; *Friederich W. P.* Outline of Comparative Literature from Dante Alighieri to Eugene O'Neill. Chapel Hill, 1954.

¹⁴⁹ *Tieghem van, P.* Histoire littéraire de l'Europe... S. 1.

направления. Гердер,¹⁵⁰ Г.-М. Поснетт¹⁵¹ включали в свои программы фольклор как важнейшую область сравнительно-исторических исследований, так же как и первый журнал по сравнительному литературоведению, издававшийся Максом Кохом («*Zeitschrift für vergleichende Literaturgeschichte*». 1887—1906). Героический эпос, куртуазная лирика, легенды, сказки, бытовая новеллистика и по своим жанровым особенностям, сюжетам и мотивам, художественному стилю и прочему интернациональны, потому они «не могут рассматриваться в узких границах истории одного языка или народа без учета, с одной стороны, аналогичных путей литературного и общественного развития, с другой стороны — активного взаимодействия между различными его участками в рамках единого процесса социально-исторического развития человечества».¹⁵² Средневековые литературы еще не обладают узкой национальной замкнутостью. В средневековых литературах не приходится говорить «ни о смене литературных направлений, ни о личных влияниях, типическое здесь господствует над индивидуальным, смена литературных течений представлена как последовательность литературных жанров. В рамках господствующих жанров замкнуто индивидуальное творчество; жанр является выражением не индивидуально-своеобразного, а социально-типического мировоззрения и стиля».¹⁵³

Итоговое заключение Жирмунского сводится к тому, что сравнительное изучение средневековой литературы как явления международного диктуется самим объектом изучения, а потому включение средневековой литературы в общие рамки сравнительного изучения мирового литературного процесса совершенно необходимо с учетом присущих этой эпохе социально-исторических особенностей.¹⁵⁴

Последние работы В. М. Жирмунского: вступительная статья к стихотворениям Анны Ахматовой в большой серии «Библиотека поэта», написанная в течение 1969—1970 гг., статья о средневековой литературе как предмете сравнительного литературоведения (1971) и «Заметки к подготовке „Диалектологического Атласа тюркских языков СССР“» (1971) — как бы замкнули круг долгой разнообразной и плодотворной творческой деятельности этого выдающегося ученого.

¹⁵⁰ Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И. Г. Избранные сочинения / Под ред. и со вступ. статьей В. М. Жирмунского. М.; Л., 1954. В немецком переводе: *Herder J. G. Hauptlinien seines Schaffens*. Berlin: Aufbau-Verlag, 1963.

¹⁵¹ *Posnett H. M. Comparative Literature*. New York, 1886.

¹⁵² Жирмунский В. М. Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения. С. 187.

¹⁵³ Там же. С. 188.

¹⁵⁴ Там же. С. 197.